

18+

Четыре стихии

Ян Анеж

18+

Ян Анеж

Четыре стихии

«Автор»

2026

Анеж Я.

Четыре стихии / Я. Анеж — «Автор», 2026

Он думал, что едет на разовую встречу. Она предупредила: в машине будут ещё две женщины. Наблюдательницы. Ночь. Минивен с красными кожаными диванами. Три женщины — и мужчина, который не боится их запахов, их усталости, их «грязных» секретов. Для него естественный аромат тела — не повод для стыда, а высшая честность. Марина — мускус и переспелый инжир. Вика — грейпфрут и зелёный чай. Даша — древесная ваниль и горькое какао. Он проведёт языком по каждой — и вернёт им право быть настоящими. Эта ночь в минивене станет для четверых не просто сексом. Она станет храмом. Местом, где «грязное» обернулось священным. 18+. Психологическая эротика. Без масок. Со вкусом. В книге вас ждут: сложная и глубокая психология отношений, сильный и харизматичный главный герой, формат МЖЖЖ без купюр, взрослый юмор и очень сочные, детальные, откровенные сцены (18+).

© Анеж Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Ян АнежЧетыре стихии	5
Глава 1. Приглашение	6
Глава 2. Красная кожа	7
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ян Анеж Четыре стихии

Ян АнежЧетыре стихии

Глава 1. Приглашение

За три дня до того вечера, когда мир сузился до запаха мускуса и красной кожи, он сидел перед экраном ноутбука, и курсор мигал в строке поиска.

Сайт назывался вызывающе-прямолинейно, неприличный — такие платформы не приносятся сайтами знакомств. Здесь не спрашивали про хобби и любимые фильмы. Здесь писали, чего хотят, когда хотят и на каких условиях. Именно эта честность его и зацепила — никакой игры, никакого социального танца с поклонами. Люди приходили сюда за телом и говорили об этом вслух.

Её анкета выделялась даже на этом фоне. Фотографий не было — только текст. «Марина. Ищу мужчину для одной конкретной встречи. Детали — в личных сообщениях. Условия нестандартные, но безопасные».

Он написал ей почти сразу. Не из любопытства — из какого-то странного, ещё не осознанного голода по чужой откровенности.

В переписке она изложила всё за десять минут. Спокойно, деловито, будто обсуждала логистику совместной поездки: — Я на минивене. Встречаемся вечером у торгового центра. В машине будем не одни — со мной две подруги. Они не участвуют, только смотрят. Это обязательное условие. Если не подходит — я пойму.

Он перечитал сообщение трижды. В голове крутилось не «зачем?», а «почему бы и нет?».

Они будут смотреть, — мысль пульсировала где-то в солнечном сплетении, и пульсация эта была не тревожной. Она была... любопытной.

— Подходит, — написал он. — Когда?

Глава 2. Красная кожа

За окнами минивена дышал вечерний город — нагретый за день асфальт отдавал тепло, смешивая его с кисловатым запахом остывающего кофе из автомата на углу. Но внутри салона этот мир исчезал, отсечённый тонированными стёклами. Здесь пахло иначе: дорогой кондиционер для красной кожи сидений, а поверх — она. Её парфюм. Muskus и что-то ещё, глубокое, сладкое почти до приторности. Переспелый инжир, готовый лопнуть от собственной зрелости.

Салон был обустроен не как в обычной машине — три красных кожаных дивана расхледились вдоль бортов: один со стороны водителя, один напротив, у глухой стены без двери, и ещё один, поменьше, зажатый между боковой дверью и задней стенкой. Пространство напоминало маленькую гостиную на колёсах, затянутую в алый шёлк и кожу. Замкнутую. Интимную. Почти театральную.

Он вошёл, чуть пригнув голову, и боковая дверь с мягким стуком закрылась за спиной, отрезав уличный шум. Ладони предательски влажные. Он вытер их о джинсы — раз, другой, — но это был не страх. Скорее, электричество. Ток на коже от понимания: он переступает черту, которую сам для себя не проводил. Граница существует только в голове, и сейчас она истончается, становится проницаемой.

Марина уже сидела на длинном диване, откинувшись на подголовник, — спокойная, как человек, который давно всё решил и теперь просто ждёт, когда реальность подтянется к её замыслу. На заднем диване, бок о бок, сидели две женщины. Вика и Даша.

Их присутствие ощущалось не как угроза — как физическое тепло, направленное ему в затылок. Он знал, что они здесь. Знал, что будут смотреть. И именно это знание, странное, почти неловкое, вдруг обернулось неожиданной свободой.

Я здесь — инструмент, — мелькнуло где-то на границе сознания. Мысль должна была бы уколоть, но вместо этого принесла странное облегчение. Мне не нужно быть главным. Не нужно вести. Достаточно просто... чувствовать. Он позволил этой идее растечься по телу — и плечи, до того сведённые, отпустило.

Марина чуть заметно улыбнулась — уголком губ, — и закрыла глаза. Для неё присутствие подруг было не выставлением напоказ, а коконом безопасности. Тем, что делает момент весомее, придаёт ему правильность. Словно всё встаёт на свои места именно тогда, когда рядом есть свидетели. Она чувствовала, как её тело становится центром общего созерцания, и это рождало в ней тихую, уверенную пульсацию радости.

На заднем диване царила интимная тишина. Подруги не перешёптывались. Они были живыми зеркалами.

Даша смотрела на его плечи — как перекачиваются мышцы под ткань рубашки, как двигаются лопатки, — и впервые за долгое время не чувствовала ни смущения, ни вины. Красиво, — призналась она себе. По-настоящему красиво. Никакой грязи. Только честность. Первобытная, простая, как дыхание. Её сердце забилося в такт с Мариным — она почувствовала это кожей.

Викина голова работала иначе — она не растворялась в моменте, а собирала его по кусочкам. Блик фонаря на запотевшем стекле. Пальцы Марины, сжавшие красную кожу сиденья с такой силой, что побелели костяшки. Рваный выдох. И тишина — густая, наполненная, живая. Вот оно, — подумала Вика. Доверие. Настоящее, без притворства. Мы все здесь — потому что сами так захотели.

Холодный воздух из дефлектора скользнул по разгорячённой коже Марины — контраст, от которого по телу пробежала дрожь. Она уловила запах его волос: пыль города и свежесть шампуня. Простой, чистый, человеческий.

Он склонился к ней, и пространство между ними сократилось до расстояния выдоха. Вкус её кожи — солоноватый, чистый. Звук приглушённого дыхания сзади стал ритмом, под который он подстроил свои движения. Иерархия стиралась. Она отдалась ощущениям. Он, отдавая инициативу, обретал власть над атмосферой. А свидетели становились хранителями момента.

Замкнутое пространство минивена превратилось в герметичную капсулу, где запахи и звуки были важнее слов. Психологический монолит, построенный на одном-единственном «да», сказанном каждым из четверых.

Воздух в салоне сгустился. За тонированными стёклами проплывали размытые огни фонарей — янтарные, мягкие, — но внутри минивена свет не двигался. Он застыл, будто время замедлило ход.

Марина лежала на спине, на длинном красном диване. От пояса вниз — обнажена. Ноги раздвинуты. Не развратно — доверчиво. Так, как открываются только тем, кому больше не нужно ничего доказывать. Складной стол сиротливо стоял у задней стенки, сложенный и забытый, — бытовая деталь, которая только подчёркивала: это пространство больше не для поездов. Оно для чего-то совсем другого.

Он склонился над ней и на секунду замер.

Запах ударил не в нос — в сознание. Сложный, многослойный, живой. Он читал его, как читают книгу: сначала — духи, те самые, мускусные, с оттенком инжира, нанесённые утром на запястья и, видимо, ещё куда-то, куда обычно не наносят. Потом — стиральный порошок, простой и домашний, запах чистого белья, который странным образом только усиливал интимность момента. А под ними, глубже — то, что не купишь во флаконе. Аммиачная резкость пота, накопившегося за день. И ещё глубже — влажный, тёплый, чуть терпкий аромат её возбуждения. Её секрет.

Вот он, — подумал он. — Запах жизни. Без фильтров. Без прикрас. Настоящий.

Он коснулся пальцами её вульвы — кожа была чуть влажной. Не мокрой. Именно такой, какой бывает в жаркий день: пот и желание смешались в тонкую, едва уловимую плёнку. Он раздвинул её губы — осторожно, как открывают что-то драгоценное, — и погрузил лицо. Нос упёрся в клитор. Язык — в дырочку, туда, откуда исходил самый глубокий, самый честный запах.

Вдох.

И мир схлопнулся до этих нескольких квадратных сантиметров.

Он больше не был мужчиной из интернета. Не был гостем в чужой машине. Он стал языком, носом, губами — инструментом познания. И то, что он чувствовал сейчас, было блаженством. Не эротическим даже — каким-то первобытным. Археологическим. Как будто он докопался до самого важного артефакта и теперь держит его в руках. Вернее — во рту.

Марина выдохнула — длинно, с тихим стоном, который родился где-то в груди и вырвался наружу помимо воли.

Прохлада кожаной обивки под лопатками. И обжигающий жар там, где его лицо касалось её плоти. Контраст. Она закрыла глаза и позволила себе просто чувствовать.

Его дыхание — глубокое, жадное. Он не просто ласкал её. Он пил её. Вдыхал, как вдыхают воздух после долгой задержки. И в этом не было ни капли брезгливости — только голод. Только признание.

Он принимает меня всю, — пронеслось где-то на границе сознания. — С запахами. С потом. С тем, что я сама от себя иногда прячу.

Волна мурашек прокатилась от живота к груди. Её пальцы сжали край сиденья — красная кожа скрипнула. Она чувствовала себя не просто желанной. Она чувствовала себя... услышанной. На каком-то животном уровне, где слова не нужны.

С бокового дивана за ними наблюдали ее подруги.

Тишина между ними была уже не просто тишиной — она стала наэлектризованной. Густой. Такой, что хоть ножом режь.

Даша подалась вперёд, сама того не замечая. Её взгляд был прикован к коленям Марины — они чуть дрожали, и эта дрожь отзывалась в Дашином теле фантомным теплом где-то внизу живота. Как красиво, — снова подумала она, но теперь это слово стало объёмным. В нём были и его движения, и её дрожь, и этот запах в воздухе, который она, кажется, тоже чувствовала.

— Смотри, как он это делает... — прошептала Даша, не успев остановить себя. — Как будто в мире больше ничего не существует.

Вика не ответила сразу. Она смотрела иначе — острее, аналитичнее. Замечала детали: как напрягаются мышцы на его шее, когда он втягивает в себя её вкус. Как блестит кожа Марины в тусклом свете салонной лампы. Как неподвижно стоит у задней стенки сложенный стол — молчаливый свидетель, превращающий происходящее из «любовной сцены» в нечто большее.

Он не просто доставляет ей удовольствие, — подумала Вика. — Он её изучает. И вслух, едва слышно:

— Марин... ты чувствуешь его? Он же буквально выпивает тебя.

Её шёпот прозвучал как катализатор.

Для него — подтверждение. Его действия одобрены. Он не просто делает что-то правильно — он делает это на глазах у свидетелей, и свидетели признают: да, это оно. То самое.

Для Марины — удар током. Слова подруги дошли до неё сквозь пелену ощущений и вдруг всё обострили. Она больше не просто лежала с закрытыми глазами. Она знала, что на неё смотрят. И от этого тело откликнулось новой волной жара.

А он продолжал.

Язык двигался широко и уверенно. Он облизывал её вульву — не суетливо, не механически, а так, как море вылизывает берег: ритмично, неотвратимо, покрывая каждую складку. Потом обхватил губами её нижние губы — одну, вторую — и начал посасывать, мягко, с тем особым давлением, которое создаёт лёгкий вакуум.

Он ласкал её, слизывая пот и секрет. Вылизывал все вкусы, которые накопились за день. И делал это не из стремления «исправить» — а из желания присвоить. Вобрать в себя. Сделать частью себя.

Солоноватый привкус пота на внутренней стороне бёдер. Потом — глубже, к эпицентру, — металлический, густой оттенок возбуждения. И под ним — ещё что-то, чему нет названия. Просто она. Её суть.

Каждое движение языка стирало границы. Он больше не знал, где заканчивается он и начинается она. Они были одним организмом — дышащим, влажным, пульсирующим.

Марина задышала чаще. Её контроль — тот самый, который она держала с первой минуты, — осыпался. Она больше не была хозяйкой положения. Она была чистым нервом.

Бёдра непроизвольно подёргивались навстречу его лицу. Пальцы, до того сжимавшие край дивана, разжались и легли на его затылок — не давя, не направляя. Просто касаясь. Просто подтверждая, я здесь, я с тобой, продолжай.

Марина попробовала — всего раз, едва уловимо. Её пальцы, лежавшие на его затылке, чуть сжались и попытались направить. Не приказ. Даже не просьба. Скорее рефлекс: тело само хотело подсказать, где нужнее, острее, ближе.

Он не поддался. Не дёрнулся, не отдёрнул голову — просто продолжил. Плечи остались на месте, зафиксированные мягкой, но абсолютной уверенностью. Так мастер не позволяет ученику поправить кисть: я знаю, что делаю. Доверься.

И Марина доверилась.

Её пальцы соскользнули с его затылка обратно на диван. Последний импульс контроля погас. И вот тогда — только тогда — она по-настоящему отпустила себя. Осознание того, что он

действует по собственному наитию, игнорируя её подсказку, вызвало в ней вспышку острого, почти болезненного возбуждения. Она больше не хозяйка. Она — объект поклонения. И это пугало ровно настолько, насколько восхищало.

На боковом диване Вика и Даша затаили дыхание.

Они видели всё. Короткую борьбу воли. Мягкое сопротивление. И то, как Марина сдалась — не, потому что проиграла, а потому что захотела сдаться.

Даша смотрела, и в её голове слова складывались медленно, будто проступали сквозь толщу воды:

«Это похоже на какой-то древний обряд. В том, как он всасывает её клитор, а потом едва касается зубами, нет агрессии — только жадное любопытство. Исследователь. Он исследователь, а она — целый материк. Я вижу, как кожа на её бёдрах покрывается мурашками, и мне кажется, я сама чувствую этот холодный ток. Странно... я не чувствую себя лишней. Я чувствую себя защищённой. Их правдой. Их честностью. Как будто они вдвоём выстроили стену, за которой можно просто дышать».

Вика, сидевшая рядом, думала иначе. Острее. Техничнее. «Его пальцы... они как у пианиста. Он не просто толкает — он прощупывает. Ждёт. Ищет ту самую точку, но не спешит. Я вижу: он знает, где она. Вижу по тому, как его указательный и средний замирают рядом, массируют пространство вокруг, но не впадают. Он не даёт ей того, чего она хочет прямо сейчас. Он заставляет её желать этого ещё сильнее. Господи, какая выдержка. Её таз уже ищет встречного движения — я вижу, как она подаётся вверх, — а он непреклонен. Ждёт». Вика сглотнула и поправила под собой ногу — движение почти бессознательное.

Марина лежала с закрытыми глазами. В голове — ни одной целой мысли. Только вспышки. Мысли стали короткими, как телеграммы, отправленные из тела в мозг и обратно.

Когда его язык обошёл клитор по кругу — медленно, как рисуют нимб, — по позвоночнику ударило: «Ещё».

Когда он втянул клитор в рот и сжал губами, создавая вакуум: «Боже».

Когда зубы — легко, едва-едва, — коснулись набухшей плоти и тут же отпустили: «Остро».

Грань между удовольствием и болью. Электрический разряд. Мозг выплеснул эндорфины.

А потом — снова язык. Широкий, тёплый, обволакивающий. Он утешал. Он ласкал то место, которое только что дразнил зубами. И этот контраст — угроза и прощение — заставлял Маринины бёдра дрожать всё сильнее.

Пальцы. Указательный и средний. Они вошли в неё — невесомо, на грани осязания. Не толкали. Не растягивали. Просто... были внутри. Она чувствовала, как её стенки сжимаются вокруг них — ритмично, произвольно. Тепло внутри было гуще, горячее. И эти пальцы знали. Они массировали не саму точку невозврата — а пространство рядом. Кружили. Обещали.

«Я — просто тело», — мелькнуло где-то в остатках Маринино сознания. «Я — аромат. Я — звук».

Это было освобождение и покой.

Она чувствовала запах своих духов — мускус и инжир, — смешанный с его дыханием. Чувствовала, как его язык, уже пропитанный её вкусом, снова и снова возвращается к клитору. Круг. Всасывание. Лёгкий укус. Отпускание. И снова круг.

Она уже хотела умолять. Где-то на дне горла уже формировался звук — не слово, а что-то более древнее. Просьба. Требование. Укуси! Надави! Сейчас!

Но её тело ещё не достигло того пика, когда голос отказывает. Она была в ловушке ожидания. И эта ловушка была самым сладким местом на земле.

Он чувствовал всё.

Указательный и средний пальцы работали как датчики, считывая внутреннюю вибрацию. Её стенки сжимались сильнее, чаще. Таз начинал не просто двигаться — метаться. Ещё не бесконтрольно. Но уже на грани.

Он знал: если нажать сейчас, она взорвётся слишком быстро. Смажет финал. Поэтому он ждал. Ждал того момента, когда её тело само начнёт требовать — не движением, а голосом. Или отсутствием голоса. Когда она перестанет дышать ритмично и начнёт заглатывать воздух ртом.

Тогда — да. Тогда он впился бы в эту точку и держал бы её там, пока мир вокруг не перестанет существовать.

Но пока — рано.

Снова круг языком. Снова всасывание. Снова нежный укус — и отпускание. Её вульва стала ещё более наполненной, горячей. Запахи пота и секрета сгустились до состояния почти осязаемого тумана. Он чувствовал их на языке, на нёбе, на губах. Он был пропитан ею — и хотел ещё.

Где-то сбоку, на границе восприятия, он услышал, как Вика сменила позу. Её дыхание стало громче. Или это Даша вздохнула? Неважно. Они были здесь. Они видели. И это делало каждое его движение ещё более точным, ещё более наполненным — потому что он действовал не один. Он действовал перед свидетелями, которые подтверждали: да, это оно. То самое.

Он почувствовал этот момент кожей. Не глазами — кожей. Воздух в минивене сгустился до состояния сиропа. Запах женского возбуждения, смешанный с ароматом красной кожи и металлическим привкусом аммиака, стал почти осязаемым. И где-то сбоку, на границе восприятия, он услышал, как Вика и Даша дышат иначе. Не так, как минуту назад. Чаще. Прерывистее. Они переживают вместе с ними. Он знал это, не глядя на них, — по звуку, по тишине, которая вдруг стала влажной.

Марина сжалась. Её пальцы, до того безвольно лежавшие на диване, вдруг впились в его плечи. Не направляя — останавливая. Тело само попыталось поставить барьер на пути ощущений, которые стали слишком острыми, слишком большими для одного человека. Она сжала бёдра, и его пальцы — указательный и средний, всё ещё внутри неё, — оказались в тисках. Ни влево. Ни вправо. Ни назад. Ни вперёд. Только пульсация. Только жар.

Он не отступил. Напротив. В тот самый миг, когда её мышцы сомкнулись вокруг его пальцев, он впился губами в её клитор. Не поцеловал — захватил. Всосал с такой силой, что она должна была бы вскрикнуть. Но звук застрял где-то в горле. Он держал этот вакуум — жёстко, почти до боли, — и одновременно язык начал двигаться. Не останавливаясь. Не ослабляя засос. Кончик языка выписывал круги по набухшей, напряжённой плоти — быстро, ритмично, неумолимо. А пальцы внутри неё нашли точку невозврата.

Он ждал этого. Сначала массировал рядом, дразнил. Теперь — воткнул. Не грубо. Точно. Подушечки пальцев легли на ту самую точку, и он нажал — ровно с той силой, которую она уже не могла выдержать.

Марина перестала дышать.

Мир схлопнулся. Не было больше ни минивена, ни подруг, ни города за тонированными стёклами. Была только эта точка — там, внутри, — и его рот, который держал её клитор в плену. Вакуум. Вибрация языка. Давление пальцев. И невозможность сдвинуться — его рука была зажата её собственными мышцами, которые больше не подчинялись ей. В голове — звенящая тишина. А потом — обвал.

Её тело выгнулось дугой. Таз толкнулся навстречу его лицу — неконтролируемо, животно. Из груди вырвался звук — не стон даже, а глубокий, горловой выдох, переходящий в хриплый вскрик. Она достигла пика. Не разрядка — обвал. Лавина. Её мышцы, сжимавшие его пальцы в тиски, вдруг забились мелкой дрожью, а потом резко расслабились, обдав его ладонь новой волной горячей, липкой влаги.

И тогда она упала. Без сил. Без контроля. Без всего. Её ноги бессильно разъехались в стороны, ступни соскользнули с края дивана. Грудь вздымалась так, будто она только что вынырнула из глубины. Глаза закрыты. На губах — тень улыбки, бессознательной, почти детской.

Он медленно отстранился.

Лицо горело. Губы — влажные, припухшие, солёные от её вкуса. Во рту — концентрированный, густой привкус её триумфа. Он выпрямился, чувствуя приятную тяжесть в плечах, и, не глядя на подруг, сделал шаг назад. Ноги слегка ватные. Он опустился на противоположный диван — тот, что у глухой стены без двери, — откинулся на спинку и закрыл глаза.

Тишина...

Та особая тишина, которая бывает только после грозы. Когда всё уже случилось и больше ничего не нужно. Запахи в салоне оседали медленно: аммиак и пот смешивались с ароматом кожаной обивки, и в этом коктейле было что-то правильное. Что-то настоящее. Он сидел, не двигаясь, и смотрел на Марину. Её дыхание постепенно выравнивалось. Грудь вздымалась реже. На лбу блестели капельки пота. Она была прекрасна — не той красотой, которую снимают для обложек, а другой. Живой. Распахнутой. Настоящей.

Он наслаждался её удовольствием — тем, как оно накрыло её целиком. Не физически — эмоционально. Он дал ей это, провёл её через край и вернул обратно. И теперь, глядя на неё, обессиленную и улыбающуюся, он чувствовал глубокое, спокойное удовлетворение. Не гордость самца. А тихую радость мастера, который сделал свою работу чисто.

На боковом диване сидели Вика и Даша. Они не двигались. Не переглядывались. Не говорили ни слова. Но их тела говорили за них.

Даша прижимала ладонь к губам — бессознательный жест, которым она пыталась удержать внутри то, что рвалось наружу. Её бельё промокло насквозь, и она чувствовала это каждой клеточкой. Тяжесть. Жар. Ткань, прилипшая к телу. Она смотрела на Марину — обмякшую, дышащую ртом, — и в её голове не было мыслей. Только эхо. Только отзвук того, что она только что видела.

«Я видела это. Видела, как она исчезла и вернулась. Это было так по-настоящему, что у меня перехватило дыхание. Я не чувствую себя грязной. Я чувствую себя... наполненной. Как будто я тоже это прожила. Как будто он и меня провёл через это, просто глядя на неё». Она медленно опустила руку с губ на колени и выдохнула — длинно, с лёгкой дрожью. Ей хотелось просто сидеть в этой тишине и чувствовать, как затихает её собственное сердце.

Вика сидела иначе. Она подалась вперёд, упираясь локтями в колени, и её глаза были широко раскрыты. Она не отводила взгляда от него — от мужчины, который только что сидел напротив, откинувшись на спинку дивана, с закрытыми глазами и влажным лицом. Для неё он перестал быть «парнем с сайта». Он стал кем-то другим. «Он не испугался. Не сломался под её напором. Он довёл её до края и перешагнул его вместе с ней. Это было... красиво. Грязно и чисто одновременно. Я не могу подобрать слово. Я просто чувствую, как по спине стекает капля пота и как низ живота скручивает в тугой узел. Я была там. На её месте. Я чувствовала его пальцы. Я чувствовала его рот. И я не знаю, что теперь с этим делать».

Она сглотнула и поправила под собой ногу — ткань брюк неприятно прилипла к коже. Между ног стало горячо и влажно. И она не скрывала этого от себя.

Прошло несколько минут. Может быть, пять. Может быть, десять. Время в салоне текло иначе — густо, медленно, как мёд. Марина постепенно возвращалась в своё тело. Первые минуты она не думала. Мыслей не было — только ощущения. Разрозненные, яркие, как вспышки. Прохлада кожаной обивки под лопатками.

Влажный воздух на коже — там, где ещё не высох пот. Лёгкая, сладкая пустота внутри — там, где только что были его пальцы. «Я жива»? — мелькнуло где-то на границе сознания. Даже не мысль — отголосок. Затем. «Моё тело такое тяжёлое... как свинец. Я не могу пошевелить ногой. И не хочу». Она чувствовала, как прохладный воздух из дефлектора касается её

разгорячённой кожи, и это прикосновение казалось божественным. Лёгкая дрожь пробежала по животу. Она ощущала отсутствие его рта — там, наверху, — и это отсутствие рождало странную, сладкую тоску. Уже скучала. Уже хотела снова.

Её сознание собиралось медленно, как пазл. Сначала — тело. Потом — пространство. Красная кожа дивана. Тонированные стёкла. Гул города где-то там, снаружи, бесконечно далёкий. Потом — люди. Он. Напротив. Она чувствовала его присутствие, даже не открывая глаз. Тёплое. Спокойное. Уверенное. И подруги. Где-то сбоку. Вика и Даша. Они всё видели. Всё до последней секунды. И эта мысль не вызвала стыда. Напротив. Она вызвала чувство завершённости. Полноты. Как будто то, что случилось, не было бы таким полным без их взглядов. Они — свидетели. Они — хранители. Они подтвердили: да, это было. Это было настоящее.

«Я — королева этого вечера», — подумала она — уже не вспышкой, а целой, оформленной мыслью. — «Меня только что короновали удовольствием. И они это видели. И он это сделал».

Она открыла глаза. Влажные. Подёрнутые туманом. Свет салонной лампы показался слишком ярким, и она заморгала. Перевела взгляд на него. Он сидел напротив — спокойный, уверенный, «свой». Его лицо всё ещё блестело. Губы припухшие. Глаза закрыты. Он выглядел так, будто сам только что пережил маленькую смерть. Марина сглотнула. Во рту пересохло. Голос, когда он пришёл, звучал низко, с хрипотцой, как после долгого сна.

— Ты... — она сделала паузу, облизала губы. — Ты с ума меня свёл этим своим упрямством.

Он открыл глаза и встретился с ней взглядом. Улыбнулся — устало, но довольно. Ничего не ответил. Да и не нужно было. Марина перевела дух и добавила — тише, обращаясь уже и к нему, и к подругам одновременно:

— Мне кажется, я только что впервые по-настоящему почувствовала, что я женщина.

Пауза. Она улыбнулась — той самой бессознательной улыбкой, которая блуждала по её лицу с момента обвала, — и закончила: — Вкусно... до смерти вкусно.

И протянула руку в его сторону. Не чтобы позвать. Не чтобы коснуться. Просто — в воздух, туда, где только что было его лицо. Подтверждая незримую связь, которая теперь протянулась между ними через салон.

Он сидел на том же диване — у глухой стены без двери. Маринины ноги, всё ещё тяжёлые после пережитого, лежали у него на коленях, и он гладил их. Медленно. Ладонями. От щиколоток — вверх, к икрам, и обратно. Пальцы скользили по коже, чувствуя, как постепенно расслабляются натруженные мышцы. Она дышала ровно. Глаза были прикрыты.

На его лице блуждала улыбка. Странная — не самодовольная, а тихая, почти чужая. Так улыбается человек, который только что пережил что-то большое и теперь носит это внутри, не в силах выплеснуть словами. Он смотрел на Марину, но видел не её — видел всё сразу. Красную кожу салона. Янтарный свет фонаря за стеклом. Двух женщин на боковом диване. Их дыхание. Их молчание. Он чувствовал их всех сразу. Марина — открытая книга, только что прочитанная до конца. Вика и Даша — натянутые струны. Он знал, что они уже влажные, обе. Знал по звуку. По тому, как изменилась тишина.

— Я могу продолжить, — сказал он негромко, и его голос прозвучал ровно, без вызова. — Если Даша и Вика тоже этого хотят. Слова упали в тишину, и тишина вздрогнула. Обе женщины на боковом диване качнулись одновременно — будто искра пробежала между ними. Даша сглотнула. Вика замерла с побелевшими пальцами на краю сиденья.

Марина не открыла глаз. Но её губы тронула лёгкая улыбка — мягкая, без тени ревности. Она знала. Знала, как сильно заведены её подруги. Чувствовала их влажное дыхание. И когда он заговорил, внутри неё не шевельнулось ничего, кроме благодарности.

— Они хотят, — прошептала она, не убирая ног с его колен. — Я чувствую, как они хотят. Даже если бояться признаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.